

Михаил Хейфец

(81-й сонет Шекспира в переводе Николая Голя)

432 ГЕРЦ

Монолог, не имеющий никакого отношения к физическим свойствам звуков.

На сцену выходит исполнитель: в руке у него камертон, который используется для настройки инструментов.

Он ударяет по камертону. Потом ещё и ещё раз, не давая звуку окончательно затухнуть.

Дзинь...

Знаете, что это?

Это нота Ля. Звук частотой 432 герц. Одна из самых удивительных загадок природы. Звук, по которому настраиваются все музыкальные инструменты оркестра. Чтобы потом слиться в едином гармоничном звучании.

Еще со времен Гиппократ и Аристотеля считается, что музыка обладает целебным воздействием на человека. И в основе этого явления лежит феномен частоты в 432 герц.

Не случайно ее еще называют - Божественной частотой.

Дзинь...

Прислушайтесь. Вот он - 432 герц, чистый тон математической основы природы.

Может быть, именно в этом звуке и заключается величайшая загадка искусства:

почему одни произведения нас трогают, а другие оставляют равнодушными?

Дзинь...

Неужели только потому, что он является для нас идеальным эталоном чистоты, на фоне которого заметна любая, даже самая незначительная фальшь?

Дзинь...

Тайны... Загадки...

Вообще - вся история человечества соткана из таких вот тайн и загадок. Какие-то со временем приоткрывают свои секреты, а другие так и остаются пока неразгаданными, продолжая будоражить умы всё новых и новых исследователей.

Давайте... Вот - первое что приходит в голову. Кто может назвать какую-нибудь такую самую-самую известную так и неразгаданную тайну или загадку природы....

Ну... ну.... Во что самое на слуху? Что там у нас есть? Ну, пирамиды... Да? Что ещё?

Вот эти вот статуи с такими длинными носами на острове Пасхи... Да, снежный человек... Что ещё? Чудовище это в Шотландии... Как его... Лохнеское...

Атлантида... Да мало ли чего ещё? Вплоть до – есть ли жизнь на Марсе! Вон сколько их, загадок. И не на одну до сих пор так и нет окончательного ответа.

Но сегодня... Сегодня - особый день. Потому что в мире может стать на одну такую загадку меньше, и мы с вами можем стать тому свидетелями.

Представляете? Сотни лет неизвестности, сомнений, поисков. споров, гипотез, открытий... И вот, наконец, сегодня всё может решиться. Прямо на наших глазах. Ну, разве это не здорово?

Думаю, что я вас достаточно заинтриговал. И всем уже не терпится узнать: о чём идёт речь?

Внимание! В последних новостях прошла информация, что буквально уже сегодня вечером... Может быть, даже к концу нашей встречи, будет опубликовано... Предъявлено... Внимание! Вы только вдумайтесь: впервые за всю историю...

Готовы? Будет выложена рукопись... Даже может быть и не вся пьеса, а только часть её, отрывок. Да это и не важно. Хоть вот такусенький клочок бумаги! Важно, что это написано рукой самого Уильяма Шекспира. Да и ещё миру будет предъявлена его собственноручная подпись. Представляете? Что-то не вижу особого восторга. Даже мне кажется, кто-то разочарован. Вот вы... И мне кажется - вот ещё там девушка... тоже... сейчас сидит и думает: «Ну и чего тут такого? Как? И это всё? А где же эта самая, самая, типа, загадка человечества, которой сотни лет? Ну, автограф. Ну - Шекспир... Спору нет – гений и всё такое прочее. Но по сравнению с пирамидами или даже снежным человеком – как-то не очень... Ну, ещё один отрывок, письмо или что там у них... Наверное, кому-то и интересно». Кому-то...

Возможно, так бы оно всё и было, будь это ещё один отрывок или письмо. Но проблема в том - вы мне сейчас не поверите - от одного из величайших писателей всех времён и народов не осталось ни одного написанного его рукой документа. Ни писем, ни рукописей, ни дневников, ни книг... Ни-че-го!

Вот так.

А ведь он написал 37 пьес, 154 сонета и 4 поэмы.

И где всё это? Как это может быть, что человек, которого все называют не иначе как – Великий Бард, не оставил после себя ни одного черновика и даже строчки, написанной своей рукой?

Так, может быть, плохо искали?

Да куда уж лучше? Всё! Всё перерыли. Архивы всех хоть мало-мальски известных людей того времени. Ни одного письма или заметки современника с записью вроде: "Я видел Шекспира, нашего актера и замечательного драматурга. Выпил с ним, закусил. Обсудил новую пьесу...»

Как же так получается? Все друг с дружкой общались. Выпивали, закусывали. Стихи читали... Потом делали об этом записи в своих дневниках, письмах...

Про всех есть, а про Шекспира – ни строчки.

Складывается ощущение, что такого писателя никто в Англии не видел!

Тут поневоле задумаешься: да кто же он такой, этот Шекспир? А дальше – больше: а был ли вообще такой?

А если не он, то кто же?

И знаете, сколько в результате различных исследований набралось кандидатур? Шестьдесят семь!

Кого только нет. Тут тебе и величайший учёный той поры – Фрэнсис Бэкон, искатель приключений, поэт и драматург – совершенно фантастическая личность - Кристофер Марло. Целая череда графов: граф Оксфорд, граф Дерби, граф Эссекс... Всех и не перечислишь. Даже и королева Елизавета попала в число подозреваемых.

Так может, он и не один был? Может, они все вместе и писали?

И такая версия есть!

Хотя, это сейчас он для нас - Гений. А во времена Шекспира, кем бы он ни был,

даже трудно в это поверить, но написание пьес, с точки зрения литературы – было занятием малодостойным. Другое дело – поэмы или сонеты...

Представляете: «Гамлет», «Отелло», «Ромео и Джульетта» - второсортная продукция.

Малопрестижные литературные поделки... Под которыми даже ещё вроде как и неловко поставить свою подпись.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА.

Ромео и Джульетта...

Помните фильм Дзеффирелли «Ромео и Джульетта»? Ну, кто не знает? Нам тогда всем было по 16 лет. Как сейчас помню: из всех районных и школьных библиотек в момент смели этот том Шекспира подчистую.

- Нет, «Ромео и Джульетты» сейчас в наличие нет. Вот «Гамлета» можно почитать. Не хотите? Или вот ещё у него хорошая... «Макбет». Трагедия.

Но трагедию никто не хотел. Все хотели только про любовь. Чтобы, как в кино. А какая там музыка! Там та-та та та... Там та-та та... Я научился свистеть эту мелодию, и когда надо было позвать свою подружку, то вместо того, чтобы орать истошным голосом под окном: «Лю-ба!!!» Я ей - там та-та та та... Там та-та та...

И она выходила на балкон, прямо, как Джульетта какая. А я внизу. Хотя, конечно - тот ещё Ромео. Но, такой не такой, а вот он – стою, почти, как в кино. Да и разборки у нас были не хуже этих - Монтекки и Капулетти вместе взятых.

Может, поэтому нас это так и зацепило. Ну, как всё про нас. Мой двор - твой двор...

Это для парней. А девчонкам, конечно, про любовь.

Все девчонки кинулись записываться во всякие там театральные кружки, студии. И каждая непременно хочет быть Джульеттой. А где же на всех напасёшься Джульетт? Обиды, слёзы... А мне так даже больше Меркуцио нравился. Помните, как он бежит по улочкам ночной Вероны?

Все это плутни королевы Маб!

Она в конюшнях гривы заплетает

И волосы сбивает колтуном,

Который расплестать небезопасно...

И плащом так, раз! А в другой руке шпага.

Короче, на Шекспира тогда все запали очень даже серьёзно. Решили и мы в школе свой драмкружок организовать. Что ставить? Конечно – «Ромео и Джульетту». Тем более, Джульетт этих – вон, целый школьный двор. Любая хоть сейчас готова. Завуч инициативу похвалила, но по репертуару высказала сомнения. Дескать, Шекспир, конечно, великий писатель, тут особо не поспоришь, но вот что касается тем и содержания...

И дальше пошло-поехало вплоть до того, что в пьесе «Ромео и Джульетта» прослеживается нежелательный пример добрых связей подростков, не достигших совершеннолетнего возраста.

Жаль, Дзеффирелли не слышал. Может, по-другому бы свой фильм снял.

А под конец говорит:

- А почему бы вам не поставить «Фабричную девчонку»? Очень хорошая пьеса. Или вот ещё: «Тимур и его команда».

Только она это сказала, как на этом наш драмкружок сразу и распался.

Чего-то среди девчонок не нашлось никого желающих переквалифицироваться из Джульетт в «фабричную девчонку».

Там та-та та та... Там та-та та...

Кстати, не так давно побывал в Вероне. В дворик зашёл, где дом Джульетты. На балкон посмотрел. Балкон, между прочим, - новодел. Статуя Джульетты во дворе. Обнажённая грудь отполирована до блеска. Это примета такая: если коснуться груди Джульетты, то непременно повезёт в любви. Редко кто мимо пройдёт не коснувшись. А вдруг... Как в анекдоте:

- Доктор, а это поможет?

- Не навредит.

Даже могила где-то есть. Можно сходить посмотреть. Ромео, кстати, тоже...

Я не пошёл. Забрался куда-то подальше от туристической шумихи вглубь старинных улочек.

А там...

А там - такая тишина и полумрак. И только звук, и эхо твоих шагов по брусчатке. И, кажется, сейчас... вот из-за того угла... тебе навстречу выскочит, размахивая своим плащом и шпагой Меркуцио. И в тишине старинных переулков опять зазвучит его пронзительный монолог о царице Ночи.

Все это плутни королевы Маб!

Она в конюшнях гривы заплетает

И волосы сбивает колтуном,

Который расплетать небезопасно.

Под нею стонут девушки во сне,

Заранее готовясь к материнству.

Вот это Маб!

Наделал тогда, конечно, Дзеффирелли шуму своим фильмом. Не думаю, что ещё где-нибудь у него было такое количество поклонников. Хотя, по правде, больше - поклонниц. Ходили, пересматривали несчётное количество раз до последнего слова знакомую историю, грезя о чём-то своём девичьем. А потом выходили замуж за простых советских парней, в надежде, что – вот он, встретили своего Ромео. И, может, действительно, мы им таким казались?

А мы-то, дурачки, и не знали, что женимся на Джульеттах.

Там та-та та та... Там та-та та...

Дзинь...

Хорошая пьеса «Ромео и Джульетта». Да и другие не хуже. Вот только остаётся вопрос: а как же это всё сумел написать ученик перчаточника.?

А что, в сущности, вообще о нём известно? Кто-то же родился в этом Стратфорде?

Да. Был. И с этим никто не спорит. Был такой: тот, что родился в Стратфорде на Эйвоне 26 апреля 1564 года. Там же умер и похоронен в 1616 году. Даже и памятник есть. И его биографию легко можно прочитать, да хоть в том же интернете.

Но вот тут-то и начинается самое интересное.

Как только вы начинаете читать его биографию, то почему-то сразу возникает гораздо больше вопросов, чем ответов.

Очень странная биография. Особенно, когда идёт речь о величайшем гении всех времён.

Первый факт, который поразил исследователей: вся его семья: отец, мать, его жена и

дети - были абсолютно безграмотны. А что же он сам? Про него известно, что он некоторое время посещал местную церковно-приходскую школу.

Правда, ни школьного журнала, ни каких других записей на этот счёт не сохранилось.

Позвольте, а как же тогда быть с совершенно уникальным словарным запасом произведений Шекспира?

Для справки: провинциальный житель елизаветинской Англии обходился одной тысячью слов или даже половиной того.

Англичанин нашего времени, имеющий высшее образование, употребляет не более 4 тысяч.

У одних из самых образованных людей того времени, Джона Милтона, Фрэнсиса Бэкона - по 8 тысяч слов.

А теперь попробуйте отгадать: сколько было в словаре Великого Барда?

Десять тысяч? Пятнадцать? Более двадцати!

«Так на то он и Гений!» - возразят вам «стратфордианцы».

Гений- гением, но где-то же надо было всему этому научиться? Или это у них в местной церковной школе так хорошо преподавали?

- Самоучка! – опять возразят вам.

Да где же во времена Шекспира самому было уму набраться, если первая публичная библиотека в Англии открылась только в начале 17 века?

И ещё вопрос: а как быть со знанием иностранных языков? Из его произведений видно, что автор владел немецким, французским, латинским, итальянским языками, мог читать на греческом... И откуда такое точное знание географии тех мест, где происходит действие его пьес? Если точно известно, что тот Шекспир, из Стратфорда, никогда не покидал пределы Англии.

Опять загадка...

Вы замечаете, как много раз в его биографии звучат слова: не сохранилось, неизвестно, не доказано...

Теперь вы понимаете, что значит, если, действительно, вдруг будет обнаружен подлинный документ, написанный его рукой?

Ведь сколько времени искали. И ничего! Примерно через сто лет после его смерти вдруг показалось, что наконец-то повезло! Нашли его завещание.

Появилась надежда, что сейчас всё и откроется!

Но...

Когда его прочли, то пришли в отчаяние. Лучше бы и не находили.

Там расписаны ложки, вилки, деньги на несколько поколений вперед, проценты, пенсы... Все расписано - вплоть до посуды и сломанной кровати.

Но ни единого слова ни о книгах... Ни о рукописях... Написано завещание не его рукой, а нотариусом.

А подпись... Подпись - больше похожа на закорючку малограмотного человека.

Вот как – десять пенсов в завещании указал, а о 18 неопубликованных пьесах - ни слова, ни строчки.

Опять тупик. И только ещё больше вопросов.

И получается, что чем больше мы узнаём об Уильяме Шекспире из Стратфорда, тем больше обнаруживаем, что не знаем и не понимаем, какое отношение все это имеет к литературе.

К его пьесам, поэмам, сонетам...

ШЕКСПИР - ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ.

Кстати, о сонетах. Не знаю, не специалист: кто там - «Милый друг», а кто - «Смуглая леди», и что там между ними было...

А лично я первый раз в жизни шекспировский сонет услышал при достаточно забавных обстоятельствах. Уже, когда студентом был. Кажется, это был слёт студенческих стройотрядов. Подведение итогов социалистического соревнования, награждение и концерт художественной самодеятельности.

Потом – танцы. Дискотека!

Стали и мы от нашего отряда подбирать программу. Кто что может. Особых талантов не обнаружилось, но кое-что собрали. Девчонки песни какие-то

разучили. Иванов пантомиму обещал показать. Стали думать: что бы ещё?

Тут Левицкий встаёт и говорит: «Я могу сонет Шекспира прочесть».

На него так все с уважением смотрят. Ни фиги себе! Шекспира человек наизусть знает. Он и так-то был не прост. Ходил по институту – весь такой нездешний, а-ля лермонтовский Грушницкий. Только что без шинели и без костыля.

Куратор доволен, что у нас чего-то там получается. Особенно, видать, на Левицкого рассчитывал. Хрен у кого ещё такое есть. Тут – вечное.

Стали потихоньку репетировать. Девчонки что-то хором про романтику поют. Иванов пантомиму свою показывает. Дуэт ещё какой-то был.

Распределяют, кто за кем.

Хор. Тут – дуэт. Тут – пантомима. Тут – сонет Шекспира.

А где, кстати, Левицкий?

Нет? Ну, да ладно. Потом послушаем. Что там особенно слушать? Сонет он и есть – сонет. Так и репетировали: тут – дуэт. Нет, вначале хор. Потом – пантомима. А тут будет Левицкий с сонетом. Да где же Левицкий?

Всё, завтра смотр. Последняя репетиция. Хор. Дуэт. Пантомима. Пока всё идёт хорошо. Тут сонет будет...

А кто-нибудь видел Левицкого? Да где ж его носит? Хотели так всё на самотёк пустить, но тут куратор завёлся: где хотите, ищите, но хочу уже услышать сонет! Упёрся и всё тут. Хоть из под земли!

Наконец-то отловили Левицкого. Давай, читай уже свой сонет. Всем интересно.

Левицкий – молодец, не выёживается, типа, да что вы стихов не слышали, да я сегодня не в голосе... Надо так надо.

Выходит, но читать не торопится.

Для начала оглядел нас всех так оценивающе. Потом глаза закрыл. Лицо такое трагическое, но пока ещё не начинается. Держит паузу. В образ входит. Всё-таки Шекспира человек читает, а не лишь бы что. Но никто и не торопит. Сидим, ждём. Пусть настраивается. По всему видно, что не ошиблись мы в

Левицком. Знает человек своё дело. Сейчас выдаст. Первое место нам обеспечено.

Ждём.

Тишина уже такая, мёртвая, стоит в аудитории. Все замерли, пошевелиться боятся. И где он только этому научился? Выждал. До конца так выждал. И когда уже всем присутствующим стало совсем невмоготу, - закатил глаза и таким замогильным голосом начинает: «Зову я смерть, мне видеть невтерпёж достоинство, что просит подаянье...»

И дальше в том же духе ещё 12 строк полного перечисления всех и вся человеческих мерзостей, которые его, Левицкого, так достали, что лучше умереть, чем, дальше всё это видя, терпеть и продолжать жить.

«Все мерзостно, что вижу я вокруг...»

Закончил в гробовой тишине. Девчонки сидят, раскрыв рты. Мне аж завидно стало. Смотрят на Левицкого, как на божество какое. Вот ведь он какой – всего 18 лет, а ему уже и жизнь не в жизнь. И умереть хочет, бедолага. И во взгляде каждой читается нешуточная готовность его спасти. Может даже ценой самопожертвования. А то и чего другого... Короче – полный фурор.

И тут вдруг голос нашего куратора:

- Левицкий, ты что - полный идиот?

Выгнал нас всех из аудитории. О чём они там разговаривали, осталось тайной похлеще авторства Шекспира, но этот сонет в исполнении Левицкого так больше никто никогда не услышал. Обошлись хором, дуэтом и пантомимой.

На следующий день, не помню уж, чего мне там понадобилось, занесло меня на кафедру.

В коридоре пусто, только дверь в кабинет куратора приоткрыта. Слышу, разговаривает с кем-то по телефону.

- Нет, ну ты представляешь, я же его чуть было не выпустил. Ну, сонет и сонет. Мать его... А там же весь партком, ректорат, товарищи из райкома... А тут он бы со своим «мне видеть невтерпёж». Да ещё с такой рожей. Ты бы

только видел. Нет, ну ты представляешь, что могло быть? Ему-то что? Выгнали бы дурака. А я же потом до конца жизни не отмылся. Это же – идеологическая диверсия! Билет на стол. Ногой под зад... Не поверишь, я домой пришёл, бутылку водки почти что залпом выпил и ни в одном глазу. Сволочь такая... Смерть он зовёт... Невтерпёж ему... Я от греха подальше потихонечку оттуда свалил. Но крепко задумался: как же так получается, что Шекспир, который жил аж четыреста лет назад, сегодня, в нашей замечательной стране победившего социализма – не иначе, как идеологический диверсант? Так и хочется после этой истории процитировать того же Уильяма, нашего Шекспира: «Неладно что-то в датском королевстве...»

Так кто же всё-таки он был, Великий Бард? Может быть, граф Оксфорд? Очень вероятная кандидатура. Один школьный учитель ещё в 1920 году даже написал книжку «Шекспир опознан». И образование у него подходящее, и в Италии бывал... Одна беда - умер в 1604 году, пятью годами раньше, чем были написаны и изданы последние сонеты Шекспира. А кто же тогда написал их, эти сонеты? Есть ещё одна, совершенно легендарная личность – Кристофер Марло. Гений своего времени. Сродни современному «Агенту 007». Поэт, шпион, авантюрист... Драматург. Но опять не сходится: тоже, как и граф Оксфорд, рано умер: получил удар ножом в пьяной драке в 1593 году. «А вот и не умер, - говорят его защитники. – А как и положено настоящему шпиону и «Агенту 007», - инсценировал свою смерть, чтобы избежать суда. А сам потом поживал да пописывал под псевдонимом «Шекспир». А почему бы и нет? Как раз в этом 1593 году, когда его вроде как всё-таки убили, впервые официально регистрируется произведение под именем Шекспира. И поди докажи, что это не он. Что же получается? Так и нет никакой надежды, узнать его подлинное имя? Кажется – всё, тупик. Чего только не перепробовали... И вот когда уже

казалось, что больше нельзя ничего сделать для решения этой загадки, как вдруг...

Удача!

Находится совершенно поразительный и загадочный сборник элегий «Жертва любви» Некогого Роберта Честера, в котором все величайшие поэты того времени оплакивают в самых превосходных словах смерть своего товарища-поэта и его жены: Голубя и Феникс.

На смерть величайшего драматурга и поэта из Стратфорда, как мы знаем, никто не откликнулся ни единой строчкой посвящения. Осталась совершенно без внимания.

А вот уход из жизни этой таинственной пары стал истиной трагедией для современников.

Вот оно! Может быть, сейчас тайна и раскроется?

Тут уже хотя бы есть, за что зацепиться. Вырисовываются достаточно точные биографические контуры. Семейная пара, чей брак был чисто платоническим. И где оба супруга обладали совершенно незаурядными литературными талантами. Наконец-то появилось что-то конкретное. Кинусь искать, кто бы это мог быть?

И в результате появляется некий Роджер Меннерс, 5-й граф Рэтленд.

Магистр Искусств Кембриджа и Оксфорда. Плюс юридическое образование.

Плюс университет в Падуе...

Стоп! Так вот она и Италия. Стали копать дальше и вдруг... Новое совпадение. Вместе с ним в Падуанском университете учились два студента из Дании по имени... Розенкранц и Гильденстерн! Да, да - те самые два незадачливых шалопаи, которых мы потом встречаем в окружении Гамлета.

Был в Германии, Франции, Швейцарии...

Дальше - больше: женат он был на Елизавете Сидни, дочери великого английского поэта Филиппа Сидни. Брак их, и это не являлось ни для кого тайной, - был чисто платонический. ..

Всё, всё, как описано в посмертном сборнике в поэме о «Голубе и Феникс»!

А вот ещё одна потрясающая деталь: Роджер Рэтленд в 1603 году был отправлен главой посольства в Данию. Там проживал в замке Эльсинор, да, да - том самом, в котором происходит действие «Гамлета». А после его возвращения в Англию появляется новая редакция «Гамлета», по объёму практически вдвое больше предыдущей.

И как прикажете относиться к таким совпадениям?

А тут ещё одно – совсем уж странное обстоятельство - мало кто задумывался: что значит слово «Шекспир»? Это ведь на самом деле два слова – «SHAKE-SPEARE».

Шейк. Ну - «шейк» все знают. Коктейль там, встряхивать. Танец ещё такой был – «шейк». Типа, трясись. А вторая часть - тут, конечно, уже нужен более углублённый английский. «SPEARE» - копьё. Вместе получается – «Потрясающий копьём». SHAKE-SPEARE. Через дефис. И, кстати, вот ведь ещё одна загадка: именно так всё тот же Роджер Рэтленд в пору обучения в Оксфордском университете подписывался под своими литературными опытами...

Наводит на размышление и ещё один факт: после 1612 года, года смерти графа Рэтленда, не появилось ни одной новой пьесы Шекспира.

Зато в книге расходов родового замка Рэтлендов Бельвуар, появилась запись, что через некоторое время после его смерти некоему Уильяму Шекспиру было выплачено 44 шиллинга золотом.

Немалые деньги. За что? За молчание?

Невольно напрашивается мысль: неужели началом величайшей мировой мистификации было просто шуточное сходство имени Шакспера со студенческой кличкой Рэтленда, Потрясающего Копьём...

Совпадения, совпадения... Не слишком ли много?

А вскоре после смерти графа Рэтленда Шекспир сворачивает все свои дела в Лондоне и возвращается в Стратфорд.

Никаких упоминаний или следов продолжения его литературной деятельности нет. Как отрезало. Странно... Стратфордианцы говорят: «Устал... Разочаровался... Искал покоя...»

Как-то не похоже на того Шекспира, который без конца редактировал свои рукописи.

Помните историю с «Гамлетом» после поездки в Данию? Ох, не зря, не зря, кем бы ни был создатель «Гамлета», он всё время возвращался и так тщательно редактировал именно эту вещь. Видимо, понимал, что пишет пьесу номер один на все века.

ГАМЛЕТ

"Страшно свободен духом русский человек", - говорил Достоевский.

Не знаю, про кого это он говорил, и где он таких встречал? Мне лично очень мало попадалось. Но вот появился Гамлет-Высоцкий, и всем сразу стало понятно: это сказано про него. И ни у кого никаких сомнений, что только именно таким и может быть Гамлет наших дней. Герой, взрывающий всем своим существованием тоску и серость обыденной жизни. Бунтарь, оторва, бешено разъезжающий на единственном в Москве «мерседесе». Женатый на легендарной актрисе, да еще к тому же иностранке.

Человек во всем не такой, как мы. В котором так естественно и органично сплелись воедино сразу два великих Барда. Тот - с далекого Альбиона и наш современник с семиструнной гитарой, слагающий под ее нестройный бой бесконечный венок своих сонетов.

Да и вся его жизнь, как потом выяснилось - была одним сплошным недописанным сонетом.

И все вдруг кинулись читать «Гамлета». Искать в нем свои тайные смыслы. А почему спектакль хотели запретить? А что в нем не так? А что вообще может быть не так в истории, которой и во времена Шекспира было уже без малого не одна сотня лет?

Ох, с каким удовольствием не допустили бы «кто надо» этого «Гамлета».

Но перед этим с треском сняли «Берегите ваши лица», запретили «Самоубийцу» Эрдмана... Сколько ж можно? Теперь вот какие-то «хроники Генриха» собирается ставить. Что ещё за хроники? А нельзя ли что-то другое?

Другое? Тут Любимов, главный режиссёр Таганки, и выдал: «Хорошо! Я «Гамлета» поставлю. «Гамлета», надеюсь, можно?».

И что тут возразишь? Как откажешь? Вот понимали, что не простой этот «Гамлет» будет. Как в воду смотрели. Спектакль ставили чуть не два года. Надо ли говорить, что когда он, наконец, вышел, то билет на него моментально стал самым ходовым и дефицитным товаром. Попасть на Гамлета с Высоцким было пределом мечты и желания, без преувеличения, миллионов. Вот так вот: желающих миллионы, а зальчик этот... Ну, сколько там мест?

И что остается делать остальным? Возможностей, в принципе, было не так уж и много.

Первое – купить билет у спекулянтов.

Всего-то - 25 рублей! 25 рублей - билет на Таганку! Билет на Таганку! Чего проще? Даёте 25 рублей спекулянту – и вы обладатель счастливого билета! Одновременно максимально простой и абсолютно недоступный большинству желающих, чьи зарплаты редко превышали 120 рублей в месяц. Про стипендии студентов - вообще говорить не приходится.

Другой путь - купить билет официально в кассе за один рубль.

Один рубль! Всего за один рубль – билет на Таганку! Делов-то: стоите по ночам в очереди, приходите на переключки, пишете номер на ладоне... Опять не спите, отмечаетесь... дежурите...

И всё это - только чтобы купить за один рубль билет на Таганку!

Надо ли говорить, что задача изначально обречённая на провал с нулевым шансом на успех. Ведь все знали, что билетов в кассе все равно не будет. Не достанется. Но вот ходили же, отмечались, не спали... А такое ощущение, что им и не важно было: достанутся билеты или нет. Что им был важнее сам

процесс. Общение. Обсуждение спектакля, который они не видели. Да, скорее всего, так никогда и не увидят.

И, наконец, третий - самый завидный и желанный: найти знакомых в театре на Таганке. Неважно кого. Хоть осветителя, хоть машиниста сцены... Хоть пожарника... Лишь бы мог достать контрамарку или ещё каким способом провести.

Жил у нас в доме в соседней парадной некий Серёга - фарцовщик. Который почему-то просил, чтобы все его называли Эдиком. Я для него особого интереса не представлял. Студент, что с меня возьмешь? Тем большей неожиданностью стало, когда он сам ко мне подошел.

- Слышь, ты на Таганку, на Высоцкого не хочешь сходить?

Я в первый момент растерялся. Даже не понял, о чем это он?

- Ну, ты же, - говорит, - театр любишь? Помнишь, я тебе билеты на Современник доставал, когда они на гастроли приезжали?

- А что, - спрашиваю, - Таганка разве приезжает?

Эдик пальцем так по лбу постучал. Типа, я совсем дурак?

- Щас! Разбежались они. Самому надо ехать.

И дальше делает мне совершенно фантастическое предложение.

- Значит так: у меня кореш в Москве. Чувак на Таганке ногой любой кабинет открывает, потому что он весь театр одевает. Начиная с Любимова и кончая всеми остальными. И Высоцкого, кстати, тоже...

Я, как дурак, стою, уши развесил. Чтобы мне сразу сообразить: на хрена Высоцкому у его кореша шмотки брать, если он из-за границы не вылезает? Сам весь театр может при желании одеть. Но не зря все-таки Эдик своим делом занимается. Умеет хоть в чем убедить.

Короче, выходило так, что Эдик достал что-то такое, чего даже в Москве нет. И весь театр на Таганке только того и ждет, когда он, Эдик, приедет, и все это им привезет. Чтобы они уже смогли наконец-то прилично одеться. А у него, как назло, тут в Питере дела. Ну, ты понимаешь...

Что я в его делах мог понимать? Но на всякий случай кивнул.

Короче, надо отвезти чемодан со шмотками в Москву, там меня встретят. А благодарные артисты так и вовсе в очередь выстроятся, чтобы только пригласить меня на спектакль.

Вот сейчас вспоминаю и сам не понимаю: как я на это повелся? Но очень уж хотелось попасть на «Гамлета». Это ж - когда еще? А вдруг?

Правда, выяснилось, что билет я должен за свой счет купить.

- Старик, - очень убедительно внушал Эдик, - сколько там билет на поезд стоит? Максимум - чирик. А на Таганку у барыг? Да еще и обманут.

Зато обратно, хорошая новость, мне билет купит Вовчик. Кто такой Вовчик?

- Ну, это тот, что тебя встретит... Всех делов-то: садишься на утренний, днём уже там. Вечером в театр, а потом ночным домой.

Чемодан Эдик ещё с вечера притащил. Я даже не знал, что бывают такие чемоданы. Где он только его раздобыл? И весит соответственно. Насилу поднял. Во что они там, на Таганке, одеваются? Чего он туда такого напихал? Вообще...

Эдик, правда, до вокзала помог дотащить. Билет вместе купили. Он сразу убежал Вовчику звонить. А я остался поезд ждать.

На прощанье говорит: «Не дрейфь. Тебе только в поезд сесть. А там тебя Вовчик уже будет ждать».

Ага, хорошо сказать – «сесть». Проводница, когда этот чемодан увидела, её чуть кондрашка нехватила. Начала орать, что-то про нестандартный багаж. Ограничения по весу... «Иди, - говорит, - плати за дополнительный багаж». Куда я пойду? Я его до поезда еле доволол. Дал ей рубль, успокоилась. А сколько у меня этих рублей-то...

Приехали по расписанию. Выхожу, стою, как дурак, на платформе. Нет никакого Вовчика. Может такое быть, что Эдик ему не дозвонился? На этот случай у меня записан его телефон. Потащил чемодан к ближайшему телефону автомату. Носильщики со своими тележками так и выются.

- Помощь нужна? Куда едем?

Знать бы самому, куда...

Сунулся по карманам, ни одной двушки на автомат нет. Вот чего раньше не подумал? И не меняет никто. Пришлось гривенником звонить. Жалко было, а что сделаешь? Звоню – раз, другой... никто не отвечает. Пипец! И что теперь делать?

Весь, так красочно составленный Эдиком план: «днём поезд – вечером театр», - рушится прямо на глазах.

Сходил, блин, на Таганку... На телефон никто не отвечает. И чемодан ещё этот... И ведь не денешь его никуда. И времени – только до театра доехать. А чего туда ехать? Что меня там, вся Таганка ждёт? Чуваки! Шмотьё привезли! Налетай! Но и не ехать нельзя. Чего, спрашивается, тогда пёрся в Москву.

В метро даже не сунулся. Хватило с меня проводницы. Нашёл частника. Еле запихали чемодан в его «москвичок». Хорошо хоть лишнего не содрал. Да и что там с меня содрать можно? А ну как вообще нет никакого Вовчика?

Может он уже в тюрьме сидит? И чего тогда делать? Даже думать об этом не хотел.

Доехали до Таганки. Народу у театра – как на вокзале. Не протолкнуться. Только все налегке. У кого – сумочка. У кого – портфель. Один я, как дурак, с этим чемоданом. Публика культурная такая, друг у друга лишние билетки спрашивают. Вдруг все как ломанулись куда-то! Вроде билетик у кого-то лишний.

Им-то хорошо, а я с этим чемоданом... Сколько же он весит? Бросить, что ли, его к чёрту?

Потащился ещё раз звонить. Опять гривенником. Лучше бы пирожок купил. С утра ничего не ел. Гудки, гудки... Я уже хотел трубку положить, как вдруг отвечают.

- Как в Москве? Мы тебя только ночным ждали. Какой театр? Таганка? Нет проблем, чувак. Приезжай, сделаем.

- Так я уже здесь, - говорю.

- Нет, сегодня не выйдет. Надо было заранее.

Короче: стой, жди, сейчас подскочим. Ещё зачем-то спросил: «А как тебя узнать?»

А чего меня узнавать? Все люди, как люди. Один я в театр с чемоданом припёрся.

Стою. Жду. Через полчаса подходит какой-то здоровенный мужик.

- Вовчик? – спрашиваю.

- Не... - отвечает. - Я – Костян. Меня Вовчик попросил.

Ногой так чемодан ткнул. И не успел я опомниться, как он его на плечо взвалил и сгинул в толпе. А вместе с ним и мой обратный билет на поезд.

Мне бы горькими слезами обливаться: в театр не попал, в кармане - ветер. А я себя в эту минуту наисчастливейшим человеком почувствовал. Господи! Неужели я наконец-то избавился от этого чемодана? Хорошо-то как! Да не бывает так хорошо! Аллилуя!

Ясное дело, что ни в какой театр я тогда так и не попал.

Домой сразу не поехал. Потолкался со всеми перед входом. Для порядка поспрашивал лишний билетик. Чего, я хуже других? Удивило, что даже и после начала спектакля народ как-то не спешил расходиться. Хотя, спрашивается, чего еще тут делать?

Остался и я.

Послушал спор двух студентов о том, какая же все-таки модель «мерседеса» у Высоцкого? Какие-то сплетни про Марию Влади. То ли она родила. То ли, наоборот, аборт сделала. Хрен поймешь. Откуда они это берут?

Кто-то читал стихотворение «Гамлет» Пастернака. С чувством так. Кто-то рассказывал про своего знакомого, который в прошлый раз был на спектакле и видел, как Высоцкий забыл текст, а Демидова-Гертруда ему потихоньку подсказывала...

А ещё... На другом уже спектакле, однажды с самой верхотуры на сцену упала декорация. Чуть всех не убило. Хорошо - Офелия была в гробу.

Причём тут гроб? Да не на спектакле, а во время репетиции... А Высоцкий в тот день опоздал, а так бы и его убило. А разве кого-то убило?

Чего только не наслушаешься. Еще спорили: в каких джинсах он играет? В фирменных или так... "Да ты чо! Ему «Левис» специально на заказ из вельвета фирму пошил..."

Еще какой-то мужик очень похоже пел песни Высоцкого. Издалека так и вообще было не отличить. Мне понравилось. Постоял, послушал.

Разобраться, так хорошо время провёл. Вот странное ощущение было: вроде, как и в театр не попал, но и нельзя сказать, что в театр не ходил. Вот ведь как: не попал, но ходил. Сходил, но не попал...

И разочарования особого не было.

Потом долго шёл пешком по ночной Москве на вокзал. На оставшиеся три рубля с мелочью насилу уговорил проводницу взять в общий вагон до Питера.

Вот, собственно, и все приключение. Спектакль я так никогда и не увидел. Но, несмотря на это, почему-то навсегда осталось ощущение, что - да, был. Чуть ли не видел...

И что теперь я знаю про Гамлета что-то такое особенное, доступное только мне

одному. Или - все-таки про Высоцкого?

Да какая, в сущности, разница?

Так до сих пор не знаю: кинул меня тогда Эдик с этой Таганкой? Знал с самого начала, что никакого билета не будет? Просто развел лоха на поездку в Москву?

Черт его знает. Скорее всего. В любом случае, зла я на него не держал и не держу. Где-то даже благодарен. Есть что вспомнить... И даже иногда кажется, что слышится голос так никогда и не увиденного Высоцкого-Гамлета:

Я Гамлет, я насилье презирал.

Я наплевал на датскую корону.

Но в их глазах - за трон я глотку рвал

И убивал соперника по трону.

Дзинь...

Слышите этот звук? Звук частотой 432 герц. Нота - Ля. Звук, который ещё называют - Божественной частотой.

Дзинь...

Чистый тон математической основы природы, который, проникая прямо в сердце, вызывает резонанс с какими-то самыми потаенными закоулками нашей души, заставляя нас страдать, радоваться, плакать, сопереживать....

И не важно - слушаешь ли ты музыку, читаешь книгу, смотришь представление, но, если у тебя вдруг на глазах наворачиваются слезы, а к горлу подступает комок, - значит, ты сейчас находишься во власти этой магической ноты Ля.

Звука частотой 432 герц. Соприкоснулся с чем-то высоким, лишенным фальши.

И невольно приходит на ум мысль: а так ли уж важно - кем в действительности был Великий Бард Уильям Шекспир? Лично мне бы хотелось, чтобы эта загадка оставалась и дальше не раскрытой. Продолжая искушать своей непостижимостью все последующие поколения.

Лично мне хочется, чтобы это было именно так.

Потому что по большому счету важно только одно: что со страниц его рукописей, кем бы он ни был, звучит чистый и гармоничный, как сама природа, звук частотой 432 герц.

Тот, что будет вечно будить в сердцах миллионов девушек надежду на встречу со своим Ромео, рождать в каждом поколении новых Гамлетов, и волновать истинных ценителей поэзии чарующей изысканностью сонетов.

*Ты или я, я или ты – не знаю,
Кто раньше в мир отправится иной,
Но, в этих строчках мирно пребывая,
Ты в памяти останешься живой.*

*Не то, что я: меня забудут сразу,
Едва успеют яму забросать,
А ты в прозрачном саркофаге глаза
Предстанешь пред читателем опять.*

*На берег дней грядущих лягут сходни,
И к памятнику строк моих сойдут
Те, кто еще не рождены сегодня,
Когда уже рожденные умрут.*

*Ты никогда не обратишься в прах,
Дыша любовью на чужих устах.*

Дзинь...